

Вскоре они отправились в путь. Дэвен обычно шла впереди, чтобы не подвергать их опасности. Ее шаги были настолько тихими, что Гарри напрягался, пытаясь расслышать ее, и был уверен, что она уже далеко впереди, как вдруг она материализовалась из подлеска, словно тень.

С каждым днем Гарри набирался сил, и они могли идти все дальше и быстрее. Его эльфийская опекуна всегда следила за тем, чтобы он был сыт и держался подальше от опасностей во время их путешествия.

Он также многому научился у нее. Ее мастерство владения деревом превосходило его собственное, и она знала некоторые диковинные растения, которых Гарри никогда раньше не видел. Каждый день Гарри с трудом продвигался по редколесью и низкому кустарнику, за которым начинался лес.

«Как тебе удаётся ходить так бесшумно?» - спросил он её однажды, в очередной раз застигнутый врасплох её лёгкими шагами.

«Эльфы легки на ногу», - просто ответила она. Это было все, что она могла ответить, и, похоже, она считала, что этого ответа вполне достаточно.

Гарри думал иначе. Глядя на нее, он был уверен, что она, несомненно, легкая, но ее способность идти по опавшим листьям и суглинкам, не задевая их при этом, была невозможна. Он подозревал, что эльфы Средиземья знают гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Они достигли невысоких предгорий, возвещавших о входе в Лангвельский перевал, спустя шесть дней после нападения варгов. Гарри не раз пользовался случаем, чтобы собрать ингредиенты для будущих экспериментов, и Дэвен относилась к ним с настороженным интересом. Взрывающийся котел, который он сумел так быстро изготовить, не был похож ни на что, что она видела, - нечасто эльф удивлялся человеку.

Гарри, в свою очередь, использовал все возможности, чтобы поучиться у Дэвен. Она знала многое из древней истории эльфов и вечерами у костра пела о Берене и Лутиэн или рассказывала ему о путешествиях Эарендила-морехода. Гарри слушал ее прекрасный голос, в котором звенело больше мелодий, чем он мог себе представить. Детали историй обычно оставались за пределами его внимания, поскольку они казались ему великой процессией имен и героев, о которых он никогда не слышал.

Когда речь заходила об окружающем их мире, он находил ее разочаровывающе скрытной, и у нее было очень мало удовлетворительных ответов для него. Эльфы Ривенделла не были полностью отрезаны от мира, но они жили на самых его крайних рубежах.

«Если бы мы не были так далеки в последние годы, - сетовала она однажды вечером. «Артедайн мог бы устоять, а ты, возможно, никогда не попал бы сюда и не подвергся бы пыткам Ангмара».

И снова Гарри услышал в своем сознании этот тонкий голос, нашептывающий ему жестокие слова. Во всем виноваты эльфы, говорил он. Если бы они не были такими отстраненными, такими высокомерными в своем превосходстве, ему не пришлось бы страдать.

«Почему ты не помогла им?» - спросил он ее, пытаясь понять ход мыслей эльфов.

«Ты должен понять, что это значит для нас, - печально ответила она. «Сближаться с другими, сражаться и истекать кровью вместе с ними, а потом наблюдать, как они увядают на наших глазах и уходят в вечность».

«Значит, вы просто остались в безопасности в своей скрытой долине?» - с сомнением спросил он. Он не мог понять такого отношения. «В то время как другие умирали снаружи?»

«Мы сражались и раньше», - сказала она. «Было много битв между Ангмаром и эльфами, но всегда мы отступали, как только битва была выиграна. Многие из нас хотели сделать больше, но мы не могли в одиночку сражаться с Ангмаром. Возможно, нам стоило попытаться». Ее печальные глаза вновь остановились на нем.

«Что сделано, то сделано, - твердо сказал он. «Теперь мы ничего не можем с этим поделать». Но тут голос вернулся и зашелестел в его сознании жалеющей тьмой.

Он проигнорировал его. Он так долго присутствовал в его мыслях, что теперь мог оставить его без внимания и внимания. Уверен, что вскоре оно увянет, и его разум снова станет полностью принадлежать ему.

Подъем в горы был тяжелым и медленным. Возможно, избитое тело Гарри уже не находилось в таком тяжелом состоянии, как раньше, но горный перевал был все более крутым и опасным. Прохладный осенний воздух пробирал до костей, а безудержный ветер стал постоянным спутником.

Тонкая тропинка вилась высоко среди обветренных вершин, а внизу скалы круто обрывались к бурлящим ручьям. Осыпи и рыхлый гравий скользили под ногами и делали путь еще более опасным. Единственным небольшим утешением было то, что в первые несколько дней на них не обрушился ни один дождь.

Дэвен, казалось, почти скользила по тропе, настолько легкими и уверенными были ее шаги. В то время как Гарри постоянно оступался и оскальзывался, когда осыпь рассыпалась под его ногами, она могла идти по рыхлой поверхности так же легко, как по ровному полу.

Каждый раз, когда Гарри спотыкался, она быстро возвращалась к нему, и он разочарованно отмахивался от нее. Он все больше и больше раздражался на себя за время подъема. До долгого заточения в подземельях Карн-Дюма его тело было единственным, на что он мог положиться. Его реакция, равновесие и координация были одними из самых лучших. Теперь же он чувствовал себя как ребенок, пытающийся сделать первые шаги.

Присутствие Дэвен постоянно напоминало ему о его слабости и недостатках: казалось, она движется сквозь мир, совершенно не подвергаясь его влиянию, в то время как Гарри с трудом преодолевал каждый шаг. Он с нетерпением и одновременно с ужасом ждал того момента, когда они разойдутся.

«Я бы провела тебя через горы и не дальше», - сказала она однажды вечером после долгого молчания. Боюсь, тебе предстоит еще долгий путь, и я хотела бы вернуться в свой дом в Имладрисе до наступления зимы».

«Я и так мало знаю о землях за Хитхеглиром, - продолжала она. «И хотя сердце мое тяжелеет при мысли о том, что я оставляю тебя без спутника в этом походе, я давно не была в своем доме и хотела бы увидеть его снова, если бы могла. Ваш путь лежит через многие лиги и годы, и я не могу присоединиться к вам».

Гарри не мог с этим поспорить, хотя отчасти ему этого хотелось. Он так долго провёл в одиночестве и не хотел возвращаться в него. И в то же время он чувствовал, что в конечном итоге его путь будет одиноким. Он хотел вернуться домой, и не более того. За ним никто не пойдет.

«Я не стану больше просить тебя». Его речь все еще была несколько неуверенной, но долгие дни, проведенные в беседах и слушаниях со своей спутницей, привели к тому, что его способности стали гораздо лучше, чем после освобождения. Он был благодарен ей за это и за многое другое. «Ты мне очень помогла. Я в долгу перед вами. Я отплачу тебе».

«Отплати мне жизнью», - сказала она, ее голос был ровным и искренним. Ее глаза встретились с его глазами - единственной частью его тела, на которой она могла задержать взгляд, не отрываясь. Даже после стольких лет, проведенных рядом с ним, он знал, что ей все еще больно смотреть на его избитое тело. «Когда ты выздоровеешь, как ты говоришь, я бы хотела, чтобы ты посетил Имладрис. Мне будет легче, если я буду знать, что ты оставил эти страдания позади».

«Если представится возможность, я это сделаю, - ответил Гарри. Он не хотел брать на себя такое обещание в свете своего желания вернуться домой. Если бы ему предоставили возможность уехать, он бы не раздумывая согласился.

По мере того как они продолжали путь через высокие горы, становилось все холоднее и сырее, и Гарри обнаружил, что его одежда плохо сидит на нем. Хитхеглир получили хорошее название: в Вестроне они назывались Туманными горами, и вскоре промозглый туман пробрал Гарри до костей. Он пробирался вперед сквозь бледный туман, стелившийся над вершинами гор, и изо всех сил старался не обращать внимания на дрожь в теле, боровшемся за тепло.